

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 336.73

SHADOW BANKING В РОССИИ: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

АБРАМОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Денежно-кредитные отношения и монетарная политика», Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: abramova2011@yandex.ru

МАМУТА МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ

кандидат экономических наук, начальник Главного управления рынка микрофинансирования и методологии финансовой доступности Центрального банка Российской Федерации

E-mail: mmamuta@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности развития в России параллельного или альтернативного банкинга, который в мировой практике носит название *Shadow Banking*. Особое внимание уделено факторам его распространения, рискам для экономики, методам регулирования с целью снижения рисков: административным (административно-запретительным) и экономическим (финансово-регуляторным).

Ключевые слова: финансовое посредничество; *Shadow Banking*; *Financial Inclusion*; параллельная банковская система.

SHADOW BANKING IN RUSSIA: FACTORS OF PROPAGATION, POSSIBILITIES OF REGULATION

MARINA A. ABRAMOVA

PhD (Economics), full professor, Head of the Monetary Relations and Monetary Policy Chair, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: abramova2011@yandex.ru

MIKHAIL V. MAMUTA

PhD (Economics), Head of the General Office for Microfinance Market and Access to Finance Methodology, the Central Bank of the Russian Federation

E-mail: mmamuta@mail.ru

ABSTRACT

The article describes the specifics of the development in Russia of parallel or alternative banking, referred to as «Shadow Banking» in the world practice. Particular attention is paid to the factors ensuring its propagation, risks to the economy, regulation methods aimed at risk mitigation including administrative (administrative prohibitive) and economic (financial and regulatory) methods.

Keywords: financial intermediation; «Shadow Banking»; «Financial inclusion»; parallel banking system.

Понятие *Shadow Banking* входило в российский оборот экономических терминов с неоднозначной трактовкой: или как особая система финансового посредничества, или как «теневой банкинг»¹. В зависимости от того, как понимается данный термин, факторы распространения этого явления в России и возможности его регулирования также различны.

Заметим, что термин *Shadow Banking* появился в США. Федеральная резервная система (ФРС, Федеральный резерв) рассматривает это явление как параллельную (небанковскую) систему кредитного посредничества, находящуюся за рамками традиционного финансового регулирования и надзора [2]. Понятие *Shadow Banking* в дословном переводе на русский язык ассоциируется с незаконным, нелегальным банковским бизнесом, что не соответствует содержанию *Shadow Banking*. Деятельность в сфере *Shadow Banking* напрямую не нарушает международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения [3], не противоречит рекомендациям в сфере законодательного обеспечения противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [4, 5]. Профессор А.Е. Дворецкая справедливо отмечает, что «термин “теневой”» не означает неофициальный и, тем более, незаконный статус субъектов этого сектора финансового рынка — это лишь констатация альтернативного характера их функционирования в сравнении с более жестко контролируемым банковским сегментом» [1, с. 14].

Следует отметить, что и Банк России, и Минфин также рассматривают *Shadow Banking* как параллельную банковскую систему [6]. К трактовке *Shadow Banking* мы присоединяемся и с этих позиций рассмотрим факторы его распространения, влияние на состояние денежно-кредитной сферы, риски *Shadow Banking* и способы их минимизации с помощью развития регулирования этого сектора российского финансового рынка.

В настоящее время во всех странах БРИКС, в том числе и в России, появление параллельной системы финансового (небанковского) посредничества, как в части кредитования, финансового консультирования, так и проведения расчетов и платежей, является следствием следующих причин.

1. Обострение конкуренции на рынке банковских услуг и дезинтермедиации банков (процесс, который означает уменьшение посреднической роли банков в результате обострения конкурентной борьбы со специализированными небанковскими финансовыми институтами). Этому способствуют продолжающаяся «маркетизация» финансовых активов домохозяйств, диверсификация способов финансового управления и повышение его качества, распространение новейших информационно-коммуникационных технологий в осуществлении расчетов и платежей, проведение пенсионных реформ и создание пенсионных фондов, перемещение акцента в привлечении заемных средств предприятий на рынок ценных бумаг посредством выпуска облигаций. В качестве факторов данных трансформаций могут быть снижение процентного дохода и увеличение непроцентной прибыли в банковском секторе.

2. Недоступность легальных финансовых услуг (*Financial Exclusion*) для определенных категорий заемщиков — физических и юридических лиц. Среди основных причин недоступности могут быть названы и слишком консервативные клиентские политики банков, определяемые в том числе «жесткими» для банков требованиями надзорных органов, что в целом обосновано, и удаленность некоторых территорий, и недостаточная для рентабельной работы банковских офисов плотность населения. При этом *Shadow Banking* удовлетворяет существующий спрос на кредиты, в том числе и для тех экономических субъектов, развитие которых оказывает положительное влияние на экономику (речь в данном случае идет о кредитовании малого и среднего бизнеса). Часто «неформальное», т.е. небанковское кредитование — основной поставщик финансирования начинающих предпринимателей, позволяющий им «выживать» на ранних этапах жизненного цикла.

¹ См., например, статью А.Е. Дворецкой «Теневой банкинг: институциональное и функциональное регулирование» [1].

3. Невысокий уровень финансовой грамотности населения. Сегодня продвижение новых банковских продуктов, особенно сложных комплексных, взаимодействие розничных клиентов с банком в части реализации зарплатных проектов, перевода пенсий на банковские карты, применения дистанционного банковского обслуживания зачастую наталкивается на непонимание населением преимуществ подобных нововведений.

Названные факторы распространения *Shadow Banking* типичны для России. Тенденцией 2013 г. стало сокращение числа действующих кредитных организаций в регионах на фоне снижения эффективности их деятельности. Так, число региональных банков сократилось с 450 до 425, их доля в совокупных активах банковского сектора уменьшилась с 11,6 до 11,1%. Темпы прироста капитала региональных банков за 2013 г. составили всего 12,2% (в целом по банковскому сектору +15,6%), а прибыль сократилась на 9,2% (в целом по банковскому сектору -1,8%) [7]. С другой стороны, количество организаций, которые работают в сфере микрофинансирования, растет, превысив в 2014 г. 10 тыс. [6, с. 14].

Для банковской системы России особенностью последних лет является продолжающийся рост уровня концентрации банковской деятельности. Так, доля 200 крупнейших по величине активов кредитных организаций в совокупных активах банковской системы составила 94,9%. За пять лет (2009–2013 гг.) указанный показатель вырос на 1,1 процентных пункта. Доля пяти крупнейших банков в активах 2013 г. возросла с 50,3 до 52,7%, а за пять лет — на 4,8 процентных пункта [7].

Кроме того, в 2014 г. на фоне снижения темпов экономического роста и увеличения долговой нагрузки на заемщиков банки повышают требования к их финансовому положению и качеству обеспечения по кредитам. В сочетании с повышением процентных ставок и ослаблением спроса на кредиты, связанным с замедлением экономического роста, это способствовало и замедлению роста кредитного портфеля банков [8, с. 16].

Отмеченные выше особенности развития банковского сектора в России, несомненно, способствуют развитию альтернативного

(параллельного) банкинга, его распространению по территории страны, формированию так называемой параллельной банковской системы с ее особыми институтами и инфраструктурой.

Вместе с тем результатом распространения *Shadow Banking* в России может стать, и отмечается все чаще, появление значимых рисков, среди которых потенциально выделим риски стабильности финансовой системы, возможного перехода *Shadow Banking* именно в «теневой» в части отмывания денежных средств, неэтичного (хищнического) потребительского кредитования. При значительных масштабах *Shadow Banking* эти риски могут представлять собой системные экономические, политические и/или социальные угрозы.

Неэтичное (хищническое) кредитование в рамках *Shadow Banking* связано прежде всего с высоким уровнем процентных ставок, что, как многократно отмечали практики банка *Grameen* и других микрокредитных организаций, противоречит заявленным целям микрофинансирования — борьбе с бедностью и стимулированию предпринимательства [9]. Сегодня субъекты *Shadow Banking* могут предлагать ставку 2% в день, т.е. 732% (!) годовых. Однако повышенные ставки, используемые субъектами *Shadow Banking*, как правило, экономически оправданы и служат реакцией на высокие риски кредитования. Добавим также, что высокие процентные ставки являются также следствием того, что институты параллельной банковской системы зачастую не обладают высоким уровнем профессионализма, позволяющим им адекватно оценивать свои риски.

Высокие ставки отвечают одному из основных принципов данной сферы: это не благотворительность, а социальное предпринимательство, бизнес, альтернативный банковскому. Отметим к тому же, что сравнительно высокие процентные ставки компенсируются упрощенными процедурами получения займов, что в определенной степени снижает «немонетарную» составляющую их стоимости для заемщика.

Развитие *Shadow Banking* в России требует своего регулирования, причем как административными (административно-запретительными)

методами, так и экономическими (регулирующими деятельность институтов данного сегмента рынка).

В странах, где данное явление имеет длительную историю, применяется сочетание административных и экономических методов, например, микрокредитование находится под жестким контролем как самого механизма кредитования, так и уровня процентных ставок со стороны государственных органов, путем определения предельно допустимого уровня процентных ставок конечным заемщиком. Так, в 14 странах Евросоюза установлены или абсолютные ограничения на процентную ставку (Греция, Ирландия, Мальта), или относительный потолок в виде надбавки к базовой ставке (Бельгия, Эстония, Франция, ФРГ, Италия, Голландия, Польша, Португалия, Словакия, Испания, Словения). В Германии закон ограничивает для кредиторов право на взимание процентов по ставке выше двойного значения средней рыночной ставки, а также устанавливает максимальное значение для кредитных организаций на уровне 12 процентных пунктов выше средней процентной ставки. В ряде стран центральный банк несет ответственность за соблюдение предельных ставок по кредитам (Италия, Португалия), в других странах — орган лицензирования (Британия, Франция, Голландия, Эстония, ФРГ), либо орган по защите прав потребителей, омбудсмен (Ирландия, Болгария, Латвия, Финляндия), либо орган надзора за рынками (Словения). Следует, однако, отметить: ограничение распространяется только на процентную ставку, что позволяет организациям устанавливать более высокую эффективную ставку процента за счет комиссий.

В России также можно констатировать применение как административных, так и экономических мер регулирования деятельности институтов *Shadow Banking*.

Применение широких административных мер в области кредитования населения институтами *Shadow Banking* может только обратить проблемы в «серую» зону, не устраняя причину недоступности кредитных ресурсов, а лишь усугубляя ее и повышая уровень теневого характера операций.

Необходимо прозрачное и четкое регулирование экономическими методами, в первую очередь в сегменте потребительского микрокредитования. Из-за доступности и прямого влияния на граждан высокие ставки по микрокредитам стали причиной широкого общественного резонанса, причем законодательство о микрофинансировании не предполагало его использования в отношении такого рода займов.

Перспективы регулирования микрокредитования связаны с принятием и действием с 2014 г. Федерального закона № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [10]. Более того, в последнее время Банк России предпринял целый ряд мероприятий по поиску рациональных подходов к регулированию параллельной банковской системы. В соответствии с Законом «О потребительском кредите (займе)» Банк России рассчитывает и публикует среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита (по категориям потребительских кредитов), которая не может превышать более чем на 1/3 рассчитанное Банком России среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита. Кроме того, введена схема, которая показывает физическому лицу, каковы действительные параметры потребительского кредита.

Для развития экономических методов регулирования *Shadow Banking* Банк России фактически использует методологию *Financial Inclusion* — обеспечение доступности качественных финансовых услуг для всех категорий потребителей на основе концепции пропорционального регулирования и надзора (*Proportional Regulation and Supervision*)². Суть концепции заключается в реализации такого регулирующего воздействия, которое пропорционально по отношению к специфическим рискам деятельности соответствующих кредиторов, одновременно исключая возникновение регуляторного арбитража для идентичных по экономическому содержанию операций. Банк России тем самым переводит деятельность институтов *Shadow Banking*

² См., например, G20 Toronto Declaration on Financial Inclusion (2010), G20 Seoul Development Consensus (2011), Basel Banking Supervision Committee «On Basic Principles of Supervision of Depository — Taken Microfinance Institutions» (2010).

в регулируемое пространство: они подлежат регистрации и надзору со стороны Банка России. В качестве примера реализации такого подхода можно привести новации законодательства о потребительском кредитовании и микрофинансировании в России. Их реализация в 2014 г. позволила ввести в периметр регулирования и надзора со стороны Банка России четыре вида профессиональных кредиторов: банки, кредитные кооперативы, микрофинансовые организации и ломбарды. К последним предъявляются разные требования по допуску их на рынок и оценке их финансовой устойчивости в зависимости от уровня рисков, связанных с привлечением депозитов населения, но одинаковые требования по активным операциям (потребительским кредитам), создающим равную защиту прав заемщиков. При этом деятельность по выдаче потребительских кредитов без одного из указанных статусов признана незаконной.

Возможности снижения процентных ставок по микрокредитам для населения связаны, на наш взгляд, и с перспективой усиления взаимодействия с Бюро кредитных историй, а также применения клиентоориентированной технологии банковского бизнеса в сфере микрокредитования. В частности, необходимо ранжирование потребителей микрокредитов, учет их специфики. Нужно рассмотреть возможность введения обязательности участия в саморегулируемых организациях (СРО) для микрофинансовой организации (МФО), чтобы создать систему компенсационных фондов для выполнения обязательств МФО перед кредиторами.

Фактором снижения процентной ставки является и растущая конкуренция на рынке микрофинансовых услуг.

Перспективы снижения процентных ставок по услугам МФО связаны и с такими составляющими процентной ставки, как премия, эквивалентная уровню инфляционных ожиданий на срок долгового обязательства, и премия за риск неплатежа. Другими словами, снижение процентных ставок напрямую зависит от уровня инфляции и уровня конкуренции в данном секторе рынка.

Риски распространения *Shadow Banking* связаны, однако, не только с рисками микро-

кредитования, но и с развитием информационных технологий в области проведения платежей. При переводе денежных средств в рамках платежных систем реализуются следующие виды рисков: риск мошенничества и хакерских атак; проблемы при обслуживании клиентов вследствие невозможности осуществления перевода денежных средств; риск, связанный с процессом контроля и управления безналичными расчетами, что может быть вызвано отсутствием оперативности, прозрачности и контроля со стороны институтов, которые играют роль контролеров в платежной цепи; правовой риск, возникающий вследствие несоблюдения требований законодательства или условий договора; репутационный риск. В России эти риски растут с ростом объема перевода электронных денежных средств. Сегодня обороты рынка электронных денег составляют более 60 млрд руб. Хотя исследование, проведенное Банком России, показывает, что психологическая готовность и финансовая грамотность населения для повсеместного перехода к использованию платежных карт и электронных денежных средств все еще недостаточны. Постоянно используют безналичные формы расчетов за товары и услуги лишь 25% населения страны.

Способы противодействия негативным последствиям распространения *Shadow Banking* в сфере платежей могут быть также административно-запретительными или финансово-регуляторными.

Например, в России в отношении операторов перевода электронных денежных средств, которые являются субъектами *Shadow Banking*, применяются административно-запретительные методы. Прежде всего эти методы базируются на действии Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Законом фактически устанавливается банковская модель перевода денежных средств, т.е. все переводы осуществляют только кредитные организации, однако операторы по переводу денежных средств вправе привлекать банковских платежных агентов (субагентов) для осуществления перевода денежных средств и других операций. Вместе с тем в Законе отсутствует правило разграничения рисков между оператором радиотелефонной

подвижной связи (оператором связи) и оператором мобильных денег при платежах, совершаемых с использованием мобильного телефона. В ст. 13 Закона указаны требования к деятельности оператора электронных денежных средств (ЭДС) при увеличении остатков ЭДС физических лиц — абонентов оператора связи. Одним из серьезных ограничений является запрет на предоставление физическому лицу — абоненту денежных средств в целях увеличения оператором электронных денежных средств остатка электронных денежных средств абонента.

Заметим, что Руководство по денежно-кредитной и финансовой статистике (МВФ, 2000 г.) допускает эмиссию электронных денег эмитентами, которые не являются банками [11]. Более того, в связи с развитием электронного денежного оборота данный сегмент денежной массы будет усиливать свое значение.

В России в соответствии с ч. 5, 6 ст. 7 Закона № 161-ФЗ оператор по переводу электронных денежных средств не вправе кредитовать клиента для увеличения его остатка электронных денежных средств, не может он и начислять проценты на остаток денежных средств или выплачивать какое-либо вознаграждение клиенту. Таким образом, операторы не могут быть эмитентами денежных средств.

Хорошо это или плохо для экономики? С одной стороны, это ограничение не дает возникнуть рискам для экономики, связанным с тем, что операторы по переводу электронных денежных средств могут осуществлять неконтролируемую эмиссию денег, т.е. для субъектов платежной системы создается барьер, который препятствует операторам по переводу электронных денежных средств заниматься фактически банковской деятельностью. С другой стороны, это означает, что из денежного оборота исключаются денежные средства, которые с развитием электронной коммерции могли быть одним из факторов роста монетизации экономики. Не учитывать этот фактор в долгосрочной перспективе нельзя, но необходимо разрабатывать экономические и правовые вопросы регулирования возможной будущей деятельности субъектов платежной системы.

На сегодняшний день для России этот риск потери контроля Центрального банка над эмиссией электронных денег является несущественным именно в связи с существующей формализацией трактовки электронных денег в Законе № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Вместе с тем быстрое развитие новых информационных технологий приводит повсеместно к охвату населения и бизнеса средствами мобильной связи и Интернет. Максимальных успехов в силу высокого уровня *Financial Inclusion*, добились страны с низким уровнем развития классической банковской инфраструктуры (Африка, Юго-Восточная Азия). Среди наиболее впечатляющих примеров можно назвать Кению (система мобильных платежей *M-PESA* за пять лет с момента своего запуска в 2008 г. охватила более 25 млн пользователей, сформировав по итогам 2012 г. около 28% ВВП Кении), а также Филиппины (система мобильных платежей *G-Cash* является не только основным оператором розничных платежей и *P2P* переводов внутри страны, но и используется для трансграничных переводов мигрантами, работающими в других странах ЮВА).

Появление новых финансовых технологий при этом сопряжено с необходимостью разработки правил по допуску на рынок новых типов финансовых провайдеров (в том числе операторов *GSM* — от названия группы *Groupe Spécial Mobile*), а также регулирующих и надзорных требований для новых форм платежей (электронные и мобильные деньги). Эти вызовы решаются странами БРИКС с разной скоростью и эффективностью. Россию можно отнести к числу лидеров в связи с формированием в 2011–2014 гг. пропорционального регулирования электронных денег и мобильных переводов, а также операторов соответствующих услуг.

Допустимо предположить, что следующим шагом в развитии *Digital Financial Services (DFS)* станет их выход за периметр платежных операций и распространение на другие виды финансовых услуг. В первую очередь речь идет о кредитах, сбережениях, страховании, т.е. на более массовых продуктах.

Преимущества данного подхода для построения качественной инфраструктуры

Financial Inclusion и сокращения рисков *Shadow Banking* очевидны. *Digital Financial Services* обладают высокой прозрачностью по сравнению с аналогичными операциями, осуществляемыми с наличными денежными средствами, уникальной технологической доступностью и удобством для потребителя. Отдельно отметим вытекающий из дистанционной формы взаимодействия низкий уровень издержек, приводящий к заметному снижению стоимости услуг для потребителя, а также то, что необходимый уровень доступности финансовых услуг может быть обеспечен ограниченным числом компаний, что снимает необходимость организации качественного надзора за большим количеством мелких участников финансового рынка.

При этом методология *Financial Inclusion*, при всей ее перспективности, является новой и не полностью отработанной на практике. Концепция *Proportional Regulation and Supervision* также в значительной степени остается пока концепцией, реализуемой разными странами в режиме пилотных проектов. Не до конца исследованы ее базовые принципы, методы контроля соответствующих рисков, не накоплен достаточный опыт правоприменения. В наибольшей степени это относится к сегменту инновационных *DFS*. Среди основных проблем развития цифровых финансовых услуг можно выделить отсутствием должным образом проработанных стандартов операций и допуска на рынок операторов *DFS*, безопасность передаваемых по электронным каналам данных, проблему идентификации («кражи» или «подмены») личности, и в более общем смысле — вопросы должного противодействия терроризму и отмыванию денежных средств.

Определенная работа по созданию единых стандартов *Financial Inclusion* и *DFS* ведется с 2010 г. по линии наднациональных объединений (*G20*, *FSB*, *SSBs*), однако для развитых стран *G7* она не находится в числе приоритетов высокого уровня. В то же время для стран БРИКС решение проблемы *Shadow Banking* представляется задачей повышенной важности, решение которой способно, помимо снижения указанных в данной статье рисков, обеспечить заметный экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкая А.Е. Теневой банкинг: институциональное и функциональное регулирование // Деньги и кредит. 2013. № 4. С. 14.
2. Федеральная резервная система США. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/tarullo20140206a.htm> (дата обращения: 15.09.2014).
3. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ. URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/FATF_40.php (дата обращения: 15.09.2014).
4. Рекомендации в сфере законодательного обеспечения противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (Утв. Постановлением Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС от 30 мая 2007. № 16). URL: <http://www.evrazes.com/news/archieve/30> (дата обращения: 15.09.2014).
5. Федеральный закон № 115-ФЗ от 7 июля 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» (в редакции от 21 июля 2014 г. с изменениями, вступившими в силу 22 июля 2014) URL: <http://www.consultant.ru/popular/protivodejstvie-legalizacii-prestupnyh-dohodov-i-terrorizma/> (дата обращения: 15.09.2014).
6. Параллельная банковская система vs банковская система (сессия 5). Материалы МБК // Деньги и кредит. 2014. № 9. С. 14.
7. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2013 г. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 20.09.2014).
8. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 г. и период 2016 и 2017 гг. (Проект). URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 20.09.2014).
9. Информационный портал «Микрофинансирование в России» URL: <http://www.>

- rusmicrofinance.ru/ (дата обращения: 20.09.2014).
10. Федеральный закон № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=166040> (дата обращения: 20.09.2014).
 11. Руководство по денежно-кредитной и финансовой статистике (МВФ, 2000). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/mfs/manual/rus/mfsmr.pdf> (дата обращения: 20.09.2014).

REFERENCES

1. *Dvoret'skaia A. E.* Tenevoi banking: institutional'noe i funktsional'noe regulirovanie [Shadow banking: institutional and functional regulation]. *Den'gi i kredit — Money and Credit*, 2013, no. 4, p. 14. (In Russ.).
2. Federal'naia rezervnaia sistema SShA [the USA Federal Reserve]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/tarullo20140206a.htm> (access as of 15.09.2014).
3. Mezhdunarodnye standarty po protivodeistviu otmyvaniu deneg, finansirovaniu terrorizma i finansirovaniu rasprostraneniia oruzhiia massovogo unichtozheniia. Rekomendatsii FATF [International standards on combatting money laundering, terrorist financing and financing of mass destruction weapons proliferation. FATF Recommendations] URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/FATF_40.php (access as of 15.09.2014). (In Russ.).
4. Rekomendatsii v sfere zakonodatel'nogo obespecheniia protivodeistviia legalizatsii (otmyvaniu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniu terrorizma (Utv. Postanovleniem Mezhpapament'skoi assamblei EvrAzES ot 30 maia 2007. № 16). [Recommendations on legislative support concerning the counteraction of the legitimization (laundering) of proceeds of crime and the financing of terrorism (Approved by the Resolution of the EurAsEC Interparliamentary Assembly of May 30, 2007, no. 16)]. URL: <http://www.evrases.com/news/archieve/30> (access as of 15.09.2014). (In Russ.).
5. Federal'nyi zakon № 115-FZ ot 7 iiulia 2001 g. "O protivodeistviiu legalizatsii (otmyvaniu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem i finansirovaniu terrorizma" (v redaktsii ot 21 iiulia 2014 g. s izmeneniami, vstupivshimi v silu 22 iiulia 2014) [Federal Law No.115-FZ dated July 7, 2001 "On counteraction of legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism" (amended July 21, 2014, effective July 22, 2014)]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/protivodejstvie-legalizacii-prestupnyh-dokhodov-i-terrorizma/> (access as of 15.09.2014). (In Russ.).
6. Parallel'naia bankovskaia sistema vs. bankovskaia sistema (sessiia 5). Materialy MBK [The parallel banking system vs. banking system (Session 5). MBC Info]. *Den'gi i kredit — Money and Credit*, 2014, no. 9, p. 14. (In Russ.).
7. Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2013 g. [Report on the development of the banking sector and banking supervision in 2013]. URL: <http://www.cbr.ru/> (access as of 20.09.2014). (In Russ.).
8. Osnovnye napravleniia edinoi gosudarstvennoi denezhno-kreditnoi politiki na 2015 g. i period 2016 i 2017 gg. (Proekt) [Principal targets of the uniform state monetary policy for 2015 and in the the period of 2016–2017. (Draft)]. URL: <http://www.cbr.ru/> (access as of 20.09.2014). (In Russ.).
9. Informatsionnyi portal "Mikrofinansirovanie v Rossii" [Information portal "Microfinance in Russia"]. URL: <http://www.rusmicrofinance.ru/> (access as of 20.09.2014). (In Russ.).
10. Federal'nyi zakon № 353-FZ "O potrebitel'skom kredite (zaime)" [Federal Law No. 353-FZ "On the consumer credit (loan)"]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=166040> (access as of 20.09.2014). (In Russ.).
11. Rukovodstvo po denezhno-kreditnoi i finansovoi statistike (MVF, 2000) [Guidelines for the monetary and financial statistics (IMF, 2000)]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/mfs/manual/rus/mfsmr.pdf> (access as of 20.09.2014). (In Russ.).